

Сэ Чанмину от природы была чужда пустая игривость; за без малого сотню лет он приручил лишь одного питомца. Пернатый упрямец не отличался покладистым нравом, однако хозяином оставался именно Чанмин. Если игра заходила слишком далеко, хватало горсти спелых ягод и нескольких ласковых слов, чтобы вернуть его расположение.

Прежде ему никогда не доводилось столь нелепо садиться в лужу, пытаясь заигрывать с чужими птенцами.

Сэ Чанмин вывел духовной силой на столешнице:

— Прошу прощения, я не замышлял ничего дурного.

Дурной умысел или нет — решать было явно не ему. К тому же за все три их мимолётные встречи Сэ Чанмин ухитрился каждый раз задеть юношу, так что рассчитывать на благосклонность Шэн Лююя не приходилось.

Даже узнав стоявшего перед ним человека, Шэн Лююй не смягчился. Сквозь полупрозрачную дымку вуали угадывались его нахмуренные брови, а пальцы по-прежнему крепко сжимали тонкий листовенный клинок.

Они не были близки. Шэн Лююй не был его послушным питомцем, которого можно задобрить сладкими плодами или ласковым шёпотом. Сэ Чанмину оставалось лишь воззвать к рассудку строптивца и попытаться как-то наладить общение.

Для того, кто больше десяти лет носил клеймо беспощадного повелителя демонов, подобные нежности давались с огромным трудом.

Сэ Чанмин вновь вывел на столе сияющие строчки:

— Нас с молодым господином Шэном связывает сама судьба. Вы — птица Чанмин, а меня зовут Сэ Чанмин.

«Какая нелепая ложь! Разве бывают на свете подобные совпадения? Надо же было этому несносному наглецу зваться тем же именем!»

«Он просто издевается».

Не успел Сэ Чанмин закончить мысль, как прямо ему в лицо устремился острый листовенный клинок. Мужчина даже не вздрогнул. Напоённое тонким ароматом сливы лезвие в последний миг резко вильнуло в сторону, срезав несколько прядей его волос, после чего вновь обратилось в мягкий лепесток и плавно опустилось на пол.

На столе расплылись иероглифы Шэн Лююя:

— На первый раз прощаю.

А следом появилась гневная приписка:

— И больше никогда не смей попадаться мне на глаза!

От бывшего величия божественной птицы — надменной, холодной и отрешённой от мирской суеты — не осталось и следа.

Сэ Чанмин мысленно вздохнул. Похоже, уязвлённая в своей гордости и взбудораженная птица Чанмин начисто лишилась благоразумия. Он резонно предположил: не будь вокруг столько посторонних глаз, Шэн Лююй без колебаний разнёс бы всю аудиторию в щепки.

Впрочем, он сам виноват — поддался сиюминутному порыву и затеял эту игру. Попытка подразнить птицу провалилась, и то, что его в ответ пребольно клюнули, было вполне заслуженным наказанием.

До самого конца занятия они не проронили ни слова. Шэн Лююй оставил свои шалости с лепестками и замер с исключительно благообразным видом, прилежно изображая примерного ученика.

В полдень большинство учеников — зелёных юнцов лет пятнадцати-шестнадцати, ещё не познавших прелестей полного отречения от пищи, — изнывали от голода. Стоило прозвучать колоколу, как они, словно орава голодных духов, с шумом ринулись прочь из класса. Даже благоговейный трепет перед Шэн Лююем, сидевшим за последней партой, не мог удержать их от отчаянного марш-броска в сторону трапезной.

Мгновение — и аудитория совершенно опустела.

Шэн Лююй питал непреодолимое отвращение к сутолоке и шуму, а потому дождался, пока стихнут последние шаги в коридоре, и лишь тогда медленно поднялся с места.

Сэ Чанмин убрал со стола небольшой нефритовый камень. Заклинание, начертанное на его гладкой поверхности, бережно сохранило каждое слово наставника. Дома Шэн Лююй сможет прослушать лекцию ещё раз; пусть без наглядных схем и чертежей, но это всё же лучше, чем пребывать в полном неведении.

Вкратце объяснив, для чего нужен артефакт, Чанмин подтолкнул его к юноше.

— Примите в знак моего раскаяния, — негромко произнёс он.

Шэн Лююй слегка отвернулся и сквозь вуаль окинул зелёный нефрит пренебрежительным взглядом.

Облачная дымка его вуали таинственно колыхалась, переливаясь в лучах полуденного солнца.

Горделиво вскинув подбородок, юноша вывел перед ним светящиеся слова:

— Мне не нужны твои подачки.

В этом жесте сквозила чистой воды детская обида.

Сэ Чанмин не стал спорить или навязываться. Он молча спрятал нефрит обратно в рукав.

Отдалившись шагов на десять, он почувствовал, как в спину ему мягко ударился бумажный комочек. Развернув его, Чанмин прочитал размашистые строчки:

«И не вздумай кому-либо рассказывать о том, что произошло сегодня. Считай это своим извинением».

Чанмин невольно улыбнулся. Надо же, как усердно этот птенец оберегает своё божественное достоинство.

Впрочем, Чанмин и сам ценил покой, а потому болтать не собирался.

Послеобеденные уроки каждый выбирал на своё усмотрение. Сэ Чанмин практиковался в искусстве владения саблей, так что их пути с Шэн Лююем разошлись.

На самой лекции Чанмин слушал наставника лишь краем уха, сосредоточившись на изучении Бестиария духовных зверей. Читал он быстро и сосредоточенно: перевернул последнюю страницу второго тома, но так и не нашёл ни единого упоминания о ком-то, кто походил бы на его ошипанного Сяо Тумао.

После занятий он заглянул в Павильон Хранения Книг, вернул прочитанные трактаты и одолжил новый фолиант. Поужинав, Чанмин неторопливо побрёл обратно во Двор Ясной Луны.

Когда он отворил ворота, Двор Ясной Луны предстал в очередном обличье. Это место менялось с поразительной частотой — изо дня в день.

Вчера весна здесь в одно мгновение обернулась зимой, укутав сугробами цветущие сливы, а сегодня деревьев поубавилось ровно наполовину. Прежде у каждой двери красовалось по два ствола, теперь же сиротливо высилось лишь по одному, а рядом зияли свежевырытые ямы.

Сэ Чанмин удивлённо приподнял бровь, но расспрашивать не стал. Сворачивая к крыльцу, он чуть не столкнулся с девчушкой лет двенадцати. Миловидная, со скромной причёской из двух пучков, она казалась совсем робкой и хрупкой, вот только в обеих руках держала по вырванной с корнем сливе.

Именно так: деревья были только что вырваны из земли, с их корней ещё осыпались комья влажной грязи.

Чанмин вспомнил, что эта девочка делит покой с Жуань Люся, и мысленно подивился. Далеко не каждый заклинатель на стадии Создания Основания способен вот так, голыми руками, выдрать из земли крепкие, укоренившиеся деревья.

Заметив Чанмина, малышка густо покраснела. Ей явно было неловко выставлять напоказ свою чудовищную силу. Она поспешно отвела громоздкие стволы в сторону, стараясь не запачкать грязью подол его халата, и едва слышно пролепетала:

— Простите, пожалуйста...

Чанмин лишь качнул головой и посторонился, освобождая проход.

В облике девочки сквозило нечто глубоко неестественное, и дело было вовсе не в разительном контрасте между её хрупким возрастом и непомерной силой. Однако уловить суть этой странности с ходу Чанмин не сумел.

Внутри покоев обнаружился Чэнь Ибай. Плотно закутавшись в тёплый подбитый ватой халат, он сидел за столом и прилежно штудировал трактат по основам создания массивов. Рядом уютно потрескивала жаровня — парень явно твёрдо вознамерился перезимовать с максимальным комфортом.

Завидев Чанмина, юноша поднял голову и с искренним недоумением спросил:

— Брат Сэ, неужто тебе совсем не холодно?

— Знай я наперёд, что нас ждёт такая стужа, — сокрушённо продолжил он, — ни за что бы не позволил Жуань Люся баловаться с её замораживающим массивом. Тёплые вещи и жаровня влетели мне в копеечку!

Чанмин бесстрастно заметил:

— Разве дева Жуань не щедро компенсировала твои неудобства? Полагаю, у тебя ещё и немало осталось.

Чэнь Ибай мгновенно прикусил язык.

— Почему в саду поубавилось слив? — поинтересовался Чанмин.

Чэнь Ибай уклончиво забормотал:

— Знания — это серебро, а свежие сплетни — чистые духовные камни...

Обычно Чанмин не носил оружие напоказ, но сегодня из-за дневной тренировки его сабля покоилась у него на поясе. Не говоря ни слова, он отстегнул ножны и многозначительно подтолкнул их по столу к собеседнику.

Угроза возымела мгновенное действие.

Чэнь Ибай поспешно замахал руками:

— Да ладно тебе, брат Сэ, давай без крайностей! Подумаешь, несчастные деревья, сейчас всё выложу. Суть проста: у Жуань Люся то ли массив кривой, то ли силёнок маловато, чтобы круглосуточно питать всю эту оранжерею. Духовных сил не хватает поддерживать цветение во всём дворе, вот она и решила избавиться от лишних стволов.

Что ж, вполне разумное объяснение.

Каким бы совершенным ни был массив, без должного притока духовных сил создателя он неизбежно угаснет.

— А кто та девчушка, которая выдирала корни? — спросил Чанмин. — На вид ей не дашь больше двенадцати.

Чэнь Ибай всплеснул руками:

— Так это же Чжоу Сяоло! Брат Сэ, ты хоть чьи-то имена в нашем дворе способен запомнить?

Поскольку Чанмин не планировал задерживаться в академии, запоминанием соседей он себя не утруждал.

Чэнь Ибай опасливо огляделся по сторонам и понизил голос до заговорщицкого шёпота:

— Наша Чжоу Сяоло... Тебе ведь она тоже показалась подозрительной, верно? Подумать только, двенадцать лет — а уже учится в Академии Луинь, да ещё и силища такая, что мороз по коже. О её прошлом мало кто знает, но мне удалось раздобыть кое-какие сведения.

Чанмин небрежно бросил на стол тускло блеснувший духовный камень. Чэнь Ибай ловко поймал его и, вполне удовлетворённый платой, продолжил:

— Один из моих соучеников по классу меча приехал из тех же краёв, что и она. Глушь

несусветная, так что её история там у всех на слуху. Девчонка с пелёнок росла хилой, едва дышала, родители с ног сбились, вымаливая у богов пощаду. И вдруг в один прекрасный день её хворобу как рукой сняло! Мало того — она обрела нечеловеческую силу и столь плотную защитную ауру, что к ней теперь даже практики на стадии Зарождения Души подступиться не могут. Родные её, конечно, в один голос твердят про небесное благословение за праведность, а вот соседи судачат, будто в девчонку вселилась какая-то нечисть.

Однако Сэ Чанмин при встрече не уловил в Чжоу Сяоло ни крупинки демонической скверны.

Чэнь Ибай увлечённо продолжал:

— Мой приятель говорил, что из-за этих пересудов к ним даже наведался управитель из Академии. Никакой тёмной твари в ней не нашли, но и разгадать тайну её сил не сумели. Девчонка-то совсем несмышлёныш, а мощи в ней — хоть отбавляй. Оставлять её среди простых смертных было опасно: либо кого-нибудь ненароком покалечит, либо её саму тёмные культиваторы приберут к рукам. Вот и решили забрать её в Академию Луинь, от греха подальше.

Он завистливо вздохнул:

— И почему мне так не везёт? Эх, как бы я хотел вот так, за один день, обрести силу стадии Зарождения Души!

При этих словах он воровато покосился на Чанмина, всё ещё помня о недвусмысленном намёке обнажённой сталью.

Немного помолчав, Чанмин вернул саблю в ножны и направился к выходу из общей залы, обронив на прощание:

— Божественный дар не всегда оказывается благословением.

У себя в комнате он зажёл свечу и по привычке распахнул створки окна навстречу прохладному ночному воздуху.

Когда ночь окончательно вступила в свои права, на подоконник бесшумно опустилась бумажная ласточка. Её искусно сложенное тельце казалось невесомым, и лишь левый глаз, выточенный из мерцающего чёрного нефрита, живым угольком вращался в темноте.

Чанмин протянул руку и слегка коснулся пальцем нефритового глаза. Бумажная птица вздрогнула, и прямо перед ним из воздуха соткался зеленоватый свиток.

Развернув его, на самом краю он обнаружил аккуратно вырезанное имя: «Шэн Лююй».

Сведения о самом юноше оказались на редкость скудными — буквально пара строк. Куда подробнее расписывалось предание о породе птиц Чанмин. Согласно свиткам, эти создания

издревле служили верховным божествам. Чистокровных птиц Чанмин во всём поднебесном мире осталось лишь две, однако их древняя кровь за долгие эпохи смешалась со многими пернатыми родами. Почти каждый ныне живущий духовный зверь из крылатого племени несёт в себе крупицу этого наследия и почитает птиц Чанмин своими законными владыками.

И имена всех этих подвластных пернатых непременно заносились в великую родословную книгу птиц Чанмин.

Сэ Чанмин невольно замер, внезапно вспомнив, при каких обстоятельствах обрёл своё нынешнее имя.

Его ведь выбрал для него сам Сэ Сяоци.

В те далёкие годы Чанмин смастерил для питомца небольшую тетрадицу. Ощипанный сорванец упорно топтался своими крошечными лапками именно по двум иероглифам — «Чан» и «Мин». Сколько Чанмин ни пытался его вразумить, глупый птенец упрямо продолжал своё занятие, после чего с победным писком взмывал вверх и устраивался у хозяина на макушке. Как раз тогда имя «Сэ Лю» сделалось слишком приметным, и его в любом случае следовало сменить. Так он и превратился в Сэ Чанмина.

«Если подумать... вдруг в жилах Сяо Тумао тоже течёт кровь священных птиц? Вдруг он на инстинктивном уровне помнил о своём родстве с великим кланом Чанмин?»

Если это действительно так, то перед ним открывался заманчивый путь в обход долгих поисков.

Маленькой птице Чанмин было бы несравнимо проще отыскать имя утерянного сородича в фамильных свитках своего клана, нежели самому Чанмину изо дня в день слепнуть над древними манускриптами в тщетных попытках классифицировать ощипанного заморыша.

Вот только выполнить ультиматум Шэн Лююя и больше никогда не попадаться ему на глаза Сэ Чанмин теперь попросту не мог.

Отныне им суждено было сталкиваться едва ли не на каждом шагу.

При мысли о капризном нраве молодого господина Шэна у Чанмина предостерегающе заныли виски.

Как подступиться к этому горделивому созданию, укротить его строптивый нрав и заручиться его помощью?